

© 2024 г.

А.В. СЕМЕНОВ, Я.А. СНАРСКИЙ, Т.Ю. ТКАЧЕВА

ДИНАМИКА И КРОСС-РЕГИОНАЛЬНАЯ ВАРИАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОТЕСТНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЯН (2007–2021)

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник (andre.semenoff@gmail.com); СНАРСКИЙ Ярослав Александрович – бакалавр политологии, стажер-исследователь (yagoslav1861@gmail.com); ТКАЧЕВА Татьяна Юрьевна – PhD, научный сотрудник (tkacheva.tatyana@gmail.com). Все – Лаборатория сравнительных социальных исследований, НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Экологическое движение в России является одной из наиболее институционализированных форм коллективного действия: появившись и набрав силу в советский период, оно пережило трансформации 1990-х гг. и изменения 2000–2010-х гг. Статья представляет результаты исследования кросс-региональной вариации коллективных действий в защиту окружающей среды. Основываясь на трех массивах данных, авторы прослеживают эволюцию экопротестов за 15 лет (2007–2021), отражающую изменение структуры политических возможностей. Представлена типология регионов по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов. Интенсивность протестов увеличивается, несмотря на сужающуюся структуру политических возможностей, однако экологическая протестная активность распределена неравномерно. Предложенная типология позволяет описать существующую вариацию и задать новые вопросы о природе и факторах экологической протестной активности в регионах России.

Ключевые слова: экологическая активность • экологические движения • экологические конфликты • состязательная политика • регионы России

DOI: 10.31857/S0132162524010069

Постановка исследовательской задачи. Россия гетерогенна с точки зрения региональной активности граждан в области экологии. Несмотря на общественный консенсус в том, что загрязнения окружающей среды существенно угрожают человечеству, представление об источниках экологических проблем варьируется у разных территориальных групп. В частности, исследование ВЦИОМ в марте 2023 г. демонстрирует региональную специфику экологических проблем: уральцев и сибиряков больше всего волнует деятельность промышленных компаний, южан – плохая очистка воды, жителей Северо-Западного и Центрального федеральных округов – плотность городской застройки¹. Многообразие климатических зон, неравномерное распределение промышленных кластеров, наличие

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 23-18-00661.

¹ Экологическая ситуация в России: мониторинг // ВЦИОМ. 2023. 9 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-situacija-v-rossii-monitoring-20230309> (дата обращения: 27.06.2023).

уникальных природных объектов – все это обуславливает вариацию представлений россиян о характере экологических проблем и трансляции этих представлений в действия.

Исследователи уделяют внимание организационным аспектам экологической активности [Henry, 2010; Yanitsky, 1999], отдельным случаям экологической мобилизации [Туровец, 2014; Evans, 2012; Kuzmina, 2022] или общим трендам в регулировании защиты окружающей среды [Demchuk и др., 2022; Tysiachniouk и др., 2023]. Несмотря на широкий спектр работ о российских экологических движениях, до сих пор нет их систематического сравнения на уровне регионов.

Для заполнения данной лакуны мы рассматриваем коллективные действия как динамический процесс, где стороны конфликта обмениваются требованиями в рамках «структуры политических возможностей». Будет продемонстрировано, что эта структура существенно менялась со временем, обуславливая всплески и падения экологического активизма. Основываясь на нескольких базах данных, фиксирующих экологические протесты в российских регионах в 2007–2021 гг., мы проследим эволюцию экологической активности, выявляя темпоральные и кросс-региональные паттерны, и типологизируем регионы по степени интенсивности и устойчивости экологических протестов. Наше исследование вносит вклад в понимание гетерогенности российского социально-политического пространства и ставит новые вопросы о причинах и следствиях экологического активизма в регионах.

Экологический активизм и состязательная политика. Мы рассматриваем экологический активизм как часть «состязательной политики» (contentious politics) – процесса публичного оспаривания действий одного актора другим, где государство выступает объектом, стороной или медиатором конфликта [Tilly, Tarrow, 2015]. В отличие от «экологической активности», категория «экологического активизма» охватывает в первую очередь коллективные действия, направленные на противодействие вмешательству в окружающую среду со стороны корпоративных или государственных акторов. Наиболее видимой частью экологического активизма являются «экологические протесты» – публичные коллективные действия с набором требований, относящихся к экологической повестке [Гольбрайх, 2016].

Экологический активизм является предметом обширного корпуса исследований [Lubell, 2002; Marquart-Pyatt, 2012; Mihaylov, Perkins, 2015]. Как и любые другие формы коллективных действий, экологический активизм сталкивается с тем же набором проблем: «дилеммой безбилетника» и селективных стимулов [Olson, 1971], проблемой ресурсной обеспеченности [McCarthy, Zald, 1977], индивидуальной/коллективной эффективности [Яницкий, 2012] и др. В то же время экологический активизм имеет свои особенности.

Во-первых, он неизбежно касается коллективных прав, поскольку экологические проблемы, как правило, охватывают целые территориальные сообщества. В отличие от повестки, затрагивающей индивидуализированные социальные или политические права, экологические вопросы потенциально охватывают неопределенный круг лиц.

Во-вторых, экологический активизм зачастую имеет ярко выраженное пространственное измерение и связан с локальной/территориальной идентичностью. Для местных/региональных сообществ мобилизация в ответ на вырубку парка, загрязнение сточных вод или прокладку дороги через лес является выражением их привязанности к конкретному месту проживания [Тулаева, Снарский, 2022].

Наконец, особую роль в экологических протестах играет локальное знание – «знание о "месте" и для "места"», которое «ситуативно, многомерно и может быть пространственно интерпретировано» [Яницкий, 2007: 14]. Наличие сообществ и организаций, аккумулирующих такое локальное знание, может стать основанием для мобилизации [Цепилова, Гольбрайх, 2020].

Любые коллективные действия являются динамическим процессом: в ходе их развертывания акторы обмениваются сигналами о возможной эскалации или уступках, реагируя на действия друг друга. Ключевой аналитической категорией в изучении состязательной политики является «структура политических возможностей» [Яницкий, 2012]. Данный концепт, являясь одним из наиболее разработанных в социологии социальных

движений, остается дискутируемым. Существуют две традиции осмысления «структуры политических возможностей». Первая подчеркивает структурные аспекты – наличие ресурсов, особенности институтов, выступающих медиаторами между гражданами и политическими органами, а также насыщенность среды другими организациями и движениями [Kitschelt, 1986]. Вторая традиция обращает внимание на «агентский» аспект: наличие могущественных союзников либо существенные изменения в балансе сил на национальном уровне [Comparative Perspectives on Social Movements, 1996]. Кросс-страновой и кросс-региональный анализ показывает, что оба аспекта оказывают значимое влияние на институционализацию экологических движений [Kitschelt, 1986; McAdam, Boudet, 2012; Van Der Heijden, 1997], но единого мнения об операционализации этого концепта не существует.

Авторы статьи для анализа национальной динамики экопротестов обращают внимание на взаимодействие с государственными институтами: в частности, на изменения в законодательстве и в характере отношений с государственной властью, а также на роль международных и российских экологических неправительственных организаций как ключевых элементов структуры политической возможности на национальном уровне. Государственные институты – ключевой элемент структуры политических возможностей, который задает базовые условия для коллективных действий (прежде всего, размеры издержек и выгод). Неправительственные организации также являются частью структуры политических возможностей, поскольку оказывают информационную и организационную помощь активистам. Такие организации аккумулируют опыт общественных кампаний в защиту окружающей среды и нередко оказываются в их центре [Kitschelt, 1986].

Помимо указанных элементов структуры политических возможностей есть и другие факторы (уровень экологических рисков, наличие крупных промышленных кластеров и природоохраненных зон, сильная региональная идентичность), которые могут определять различия в уровне мобилизации и характер экологической активности. В данной статье не ставится задача исследовать роль всех этих факторов, фокусировка сделана в основном на эвристические возможности теории политического процесса для объяснения национальной динамики и кросс-региональной вариации в экопротестах.

Развитие экологического активизма в постсоветской России. Первые низовые инициативы, направленные на защиту окружающей среды, такие как Дружины охраны природы (ДОП), появились в СССР на рубеже 1950–1960-х гг. [Халий, 2008]. В 1970-х гг., с увеличением числа ДОП по всей стране, происходит их объединение в Движение дружин охраны природы (ДДОП), которые были встроены в существующие структуры официальных организаций [Фомичев, 1992; Яницкий, 1995]. Тесное взаимодействие с государством дало возможность экозащитникам увидеть масштабы антиэкологических практик в СССР, что со временем вело к накоплению протестного потенциала [Яницкий, 1995]. Экологические проблемы и появление на Западе «зеленых» партий, которое изменило представления советских экоактивистов о возможных каналах политического влияния, столкнули природозащитников с государством [Матвеева, 2010]. В результате в конце 1980-х гг. экологическое движение стремительно политизируется, активно вовлекает граждан в экологические инициативы и выстраивает диалог с властью [Халий, 2008].

С распадом СССР появляются новые механизмы и возможности для общественных инициатив, формируются устойчивые практики взаимодействия с властями, а роль гражданских объединений в политической системе страны закрепляется на законодательном уровне. В то же время происходит постепенное снижение активности и массовости экологического движения [Фомичев, 1992; Шубин, 1992]. Новые политические силы не оправдали надежд, а попытки независимого участия в политической жизни за счет создания партий и участия в выборах не увенчались успехом [Матвеева, 2010]. В результате популярность экологических движений снижается.

Во второй половине 1990-х гг. меняются отношения экоактивистов с государственным аппаратом, который стремится усилить над ними контроль. Несмотря на формальное продолжение взаимодействия с властными структурами, возможности прямого

политического действия сокращаются [Халий, 2008]. Ключевой задачей экологического движения в конце 1990-х гг. становится его самосохранение, а основным инструментом для этого – профессионализация и бюрократизация с последующим переходом в сетевой формат существования [Yanitsky, 1999]. В этот период главными медиаторами в отношениях со структурами власти становятся локальные экообъединения, фокус смещается на поддержание местных экоинициатив и решение локальных экологических проблем за счет более тесного и регулярного взаимодействия с гражданами [Халий, 2008].

В 2000-х гг. реформа системы управления природоохранной деятельностью привела к деградации госуправления в области экозащиты. Дальнейшие шаги под предлогом укрепления гражданского общества были восприняты активистами как стремление кооптировать движение и принимать решения без консультации с ними [Халий, 2008: 135]. Отсутствие устойчивых механизмов взаимодействия и согласования интересов между экоактивистами и властью потребовало от движения поиска альтернативных путей политического влияния. Формируются каналы взаимодействия российского экодвижения с международными природоохранными организациями. Несмотря на слабую консолидацию, экодвижениям удается расширить участие в разработке ключевых документов и сотрудничество с местными администрациями [Матвеева, 2010]. В некоторых случаях, благодаря лоббистским способностям местных экоактивистов и особенностям политических систем регионов, удается разрешать важные локальные эко-конфликты [Гнатенко, 2010].

В 2010-е гг. такие законодательные инициативы, как закон «об иностранных агентах», стимулируют переход от формальных способов организации к коллективной мобилизации через неформальные группы и сети [Sundstrom et al., 2022]. Даже наиболее устойчивые формальные объединения обращаются к альтернативным формам организации во избежание усиливающихся финансовых и политических ограничений. Из-за смещения фокуса на решение локальных экопроблем движение привлекает на свою сторону не только профессиональных экоактивистов, но и равнодушных граждан как изнутри локального сообщества, так и за его пределами [ibid.]. Важную роль начинают играть социальные сети и цифровые платформы, расширяющие традиционный репертуар коллективных действий [Гольбрайх, 2019; Цепилова, Гольбрайх, 2020] и позволяющие эффективнее привлекать политических союзников [Каминская и др., 2019].

Таким образом, начавшись как добровольные объединения, помогавшие госструктурам, экологическое движение в России переросло в основной инструмент выражения общественного недовольства по экологическим вопросам, став независимым политическим актором. С трансформацией структуры политических возможностей в постсоветский период экологическое движение ослабевает, переориентируясь на взаимодействие с населением и поиск альтернативных способов встраивания в политические структуры. К концу 2000-х гг. экологические движения в России приобретают сетевой формат, а последние тенденции в развитии экоактивизма в России показывают все большую трансформацию движения в сторону неформальных структур. Помимо общих тенденций, наблюдаются значительные вариации на региональном и локальном уровнях: экологические активисты по-разному реагируют на широкие изменения в структуре политических возможностей национального уровня.

Кросс-региональная вариация в экологической активности. Для анализа кросс-региональных паттернов мы опираемся на три массива данных. Массив LARuPED содержит информацию с сайта Namarsh.ru о 4 225 протестных событиях за 2007–2016 гг., 414 из которых классифицированы как «экологические» и прошли в 45 регионах². Из него использовались только данные за 2007–2011 гг., поскольку за 2012–2016 гг. есть более точный каталог «Состязательная политика в России» (CPR), собранный в Центре сравнительных исторических и политических исследований. Этот массив охватывает

² Подробнее о кодировочной схеме LARuPED см.: Lankina Russian protest event dataset // LSE Research Online. 2018. 3 октября. URL: <http://eprints.lse.ac.uk/90298/> (дата обращения: 27.06.2023).

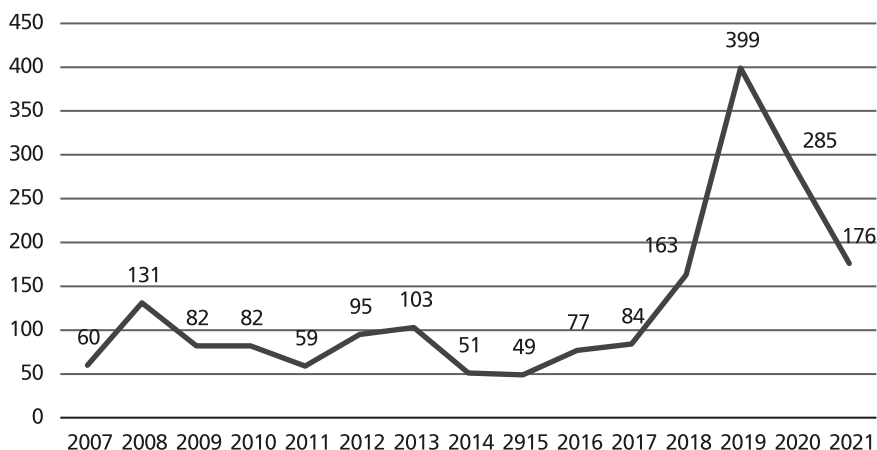

Рис. 1. Общее число экопротестов в 2007–2021 гг.

более 8 000 событий, включая 384 экопротеста в 58 регионах. Он отличается большей инклюзивностью, поскольку основан на поисковых запросах в системе Integrum, а также более строгими критериями отнесения событий к экологической тематике. Третий массив – «Экологические протесты в российских регионах» (EPRR) – основан на данных Activatica.org и изначально предполагал агрегацию событий, связанных с экологической активностью. База данных охватывает период 2017–2021 гг. и включает 1 107 экологических акций в 59 регионах.

Общая динамика экологических акций протеста (рис. 1) показывает волновой характер экологического активизма³. Первый пик приходится на 2008 г., когда на фоне глобального экономического кризиса развернулись экологические кампании в Иркутской и Московской областях, а также в Краснодарском крае. Вторая волна приходится на 2012–2013 гг. в связи с событиями вокруг защиты Прихоперьа и протестов против строительства Томинского горно-обогатительного комбината, которые частично совпали по времени с протестной кампанией «за честные выборы». Третья приходится на 2018–2020 гг. с пиком активности в 2019 г.: это – протесты против строительства полигона на станции Шиес в Архангельской области, встретившие широкую поддержку в других регионах, а также антимусорные протесты.

В 2007–2011 гг. высокая активность (более четырех протестных акций за весь период) наблюдалась в 17 регионах (субъектах РФ), в 38 не было зафиксировано ни одного случая. Наиболее крупные эпизоды экологической мобилизации развернулись в регионах со строительством инфраструктурных объектов, а также в городах федерального значения (рис. 2).

Так, в Московской обл. (42 акции) и Москве (104) в 2007–2010 гг. развернулась борьба против строительства шоссе, предполагавшего вырубку просеки в Химкинском лесу длиной в три километра. В ответ на эти планы в 2007 г. было сформировано «Движение в защиту Химкинского леса», в 2010 г. оно провело ряд крупных (по несколько тысяч участников) акций⁴. Вокруг движения сформировалась сеть экологических инициатив,

³ Мы принципиально не фокусируемся на объяснении наблюдаемых трендов в данной статье, отдавая предпочтение их фиксации и типологизации наблюдаемых паттернов.

⁴ Юрий Шевчук на митинге-концерте в защиту Химкинского леса // РИА-Новости. 2010. 23 августа. URL: <https://ria.ru/20100823/268068268.html> (дата обращения: 27.06.2023); На концерт на Пушкинской площади запретили проносить аппаратуру // РИА-Новости. 2010. 22 августа. URL: <https://ria.ru/20100822/267867212.html> (дата обращения: 27.06.2023).

Рис. 2. Экопротестная активность в регионах России, 2007–2011 гг., по LARuPED

которые в 2011 г. провели гражданский форум «Антиселигер». Активисты столкнулись с жестким противодействием со стороны групп интересов, поддержавших строительство трассы: в 2007 г. неизвестные подожгли машину редактора «Химкинской правды», освещавшего строительство, а на него самого было совершено нападение. В конечном счете планы по строительству были скорректированы, но сама трасса построена.

В Краснодарском крае (28 событий) основным поводом экологической активности в этот период стала подготовка к проведению Олимпиады. Активисты выступили против строительства на особо охраняемых природных территориях и в буферной зоне Кавказского заповедника. Мобилизация включала петиционные кампании⁵, круглые столы и массовые акции протеста. Наиболее массовым стал митинг в Туапсе 18 июля 2010 г. против строительства в городском порту терминала компании «Еврохим», а также за отказ от добычи нефти на Черноморском шельфе⁶. Коллективные действия в Краснодарском крае собрали более 15 тыс. человек – больше, чем в других регионах за 2007–2011 гг.

В Калининградской области (17 событий) в тот период главной причиной активизации экологического сопротивления становится соглашение о строительстве в регионе атомной электростанции, подписанное правительством региона и «Росатомом» в 2008 г. Ключевым актором со стороны экологического движения стала организация «Экозащита», а основными методами борьбы – демонстрации, пикеты и перформансы с привлечением СМИ [Гнатенко 2010]. Кампания не привела к успеху, строительство АЭС началось. По экономическим причинам в 2014 г. стройка была приостановлена, а в 2018 г. и вовсе официально заморожена распоряжением «Росатома».

В Иркутской области (17 событий) поводом для постоянной мобилизации стали споры вокруг Байкальского целлюлозно-бумажного комбината: активисты требовали закрытия производства, ставшего основным загрязнителем Байкала⁷. Несмотря на поддержку

⁵ «Круглый стол» с острыми углами. В Красной Поляне прошло обсуждение экологических проблем олимпийского строительства // Экологическая Вахта по Северному Кавказу. 2011. 10 ноября. URL: <http://ewnc.org/node/133> (дата обращения: 27.06.2023).

⁶ Митинг в шортах. На экологический митинг в Туапсе вышли 2 тыс. человек // Газета.ру. 2010. 19 июля. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/07/19_a_3399002.shtml (дата обращения: 27.06.2023).

⁷ Иркутский бунт // Твой Иркутск. 2011. 3 июня. URL: <https://www.irk.ru/news/articles/20110603/rebel/> (дата обращения: 27.06.2023).

Рис. 3. Экопротестная активность в регионах, 2012–2016 гг., по CPR

политических элит и группы жителей Байкальска⁸, производство на комбинате было полностью остановлено в 2013 г.

В 2012–2016 гг. регионы-лидеры по абсолютному числу экологических протестов менялись (рис. 3). В лидерах оказалась Воронежская область (39 событий), где прошла крупная кампания по защите национального парка Хопер. Кампания продолжалась больше года и развивалась как по конвенциональному сценарию (сбор подписей, митинги и другие публичные мероприятия), так и в драматическом ключе (разгром палаточного лагеря активистов и поджог лагеря геологов)⁹. Особенностью стало участие широкого идеологического спектра организаций, образовавших ядро движения «Стоп-никель», включая казаков, ученых и представителей демократической оппозиции [Туровец, 2014].

По схожему сценарию развивался конфликт вокруг строительства Томинского горно-обогатительного комбината (ГОК) Русской Медной Компанией (РМК) в Челябинской области, предполагавшего вырубку части леса. Общественная кампания, которая кристаллизовалась вокруг движения «Стоп ГОК», включала сбор подписей, организацию участия в общественных слушаниях, митинги, экологические экспертизы и т.д.¹⁰ Челябинцы были возмущены не только нарушением экологических стандартов и потенциальной угрозой региону, и так испытывающему серьезные нагрузки на экологию, но и отказом руководства РМК (при поддержке властей региона) идти на какой-либо диалог с жителями и экологами¹¹. В конце концов комбинат был построен в 2020 г. и введен в эксплуатацию в 2021 г.¹²

В 2017–2021 гг. лидером по числу экопротестов становится Москва (244 события), где жители выступали против строительства на особо охраняемых природных территориях и оспаривали инфраструктурные решения властей в отношении зеленых зон: например, активно

⁸ 13 февраля в Иркутске встретились митингующие за и против БЦБК // Твой Иркутск. 2010. 14 февраля. URL: <https://www.irk.ru/news/20100214/meeting/> (дата обращения: 27.06.2023).

⁹ Экологи дерутся за Хопер // Газета.ru. 2013. 14 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2013/05/14/5320933.shtml> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁰ Люди гибнут за металл: как в Челябинске борются против строительства Томинского ГОКа // Совет при Президенте Российской Федерации по правам человека (СПЧ). 2019. 23 августа. http://www.president-soviet.ru/presscenter/press/lyudi_gibnut_zh_metal_kak_v_chelyabinske_boryutsya_protiv_stroitelstva_tominskogo_goka/ (дата обращения: 27.06.2023).

¹¹ Хозяева Медной горы // Open Democracy. 2017. 7 августа. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/gok-stop/> (дата обращения: 27.06.2023).

¹² На Томинском ГОКе начали добывать руду, но предприятие еще не запущено // 74.ru. 2020. 22 августа. URL: <https://74.ru/text/business/2020/08/22/69431020/> (дата обращения: 27.06.2023).

Рис. 4. Экопротестная активность в регионах, 2017–2021 гг., по EPRR

развивались протесты против строительных работ в парке «Покровское-Стрешнево»¹³ и в Битцевском лесу¹⁴. В Санкт-Петербурге (117 событий) был схожий спектр проблем: так, после нескольких лет борьбы активистам удалось признать незаконным разрешение на постройку в Муринском парке второго спорткомплекса «Nova Arena»¹⁵.

В Московской области (187 акций) в 2017–2018 гг. прошли масштабные митинги против полигонов твердых бытовых отходов и мусоросжигательных заводов (МСЗ). Каждый третий житель Волоколамска вышел на крупнейший в области митинг против выбросов свалочного газа¹⁶. Строительство полигона для мусорных отходов неподалеку от станции Шиес также стало поводом для крупнейшей за этот период экологической кампании в Архангельской области (98 акций) и Республике Коми. После продолжительных протестов местных жителей соглашение между правительством Архангельской области и ООО «Технопарк» было расторгнуто, компанию обязали рекультивировать испорченный участок¹⁷.

В Татарстане (52 события) в этот период основной проблемой стали планы по строительству МСЗ. Так, в селе Осиново на протяжении нескольких лет местные жители сопротивлялись решению построить МСЗ, но строительство все же началось в июне 2020 г.¹⁸ Аналогичные протесты наблюдались в Кировской и Ленинградской областях, а также в Удмуртии.

В Республике Башкортостан в 2020 г. прошла кампания в защиту шихана Куштау – горы, состоящей из известняка, который Башкирская содовая компания использует для

¹³ Природный парк «Покровское-Стрешнево» закрыли на благоустройство, против которого протестовали москвичи // Москва онлайн. 2022. 7 апреля. URL: <https://msk1.ru/text/gorod/2022/04/07/71239136/> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁴ Продолжение борьбы за Битцевский лес // Официальный сайт Московской городской организации КПРФ. 2022. 17 июня. URL: <https://msk.kprf.ru/2023/06/17/238986/> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁵ Суд признал незаконным разрешение на строительство второго спорткомплекса «Nova Arena» в Муринском парке // Собака.ру. 2020. 8 декабря. URL: <https://www.sobaka.ru/city/city/120814> (дата обращения: 01.07.2023).

¹⁶ Каждый третий житель Волоколамска вышел на митинг против свалки // Ведомости. 2018. 1 апреля. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/04/01/755513-miting-protiv-svalki> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁷ Инвестиционный проект «Шиес» приказал долго жить // ИА Северные Новости. 2020. 7 июня. URL: <https://newsnord.ru/investitsionnyj-proekt-shies-prikazal-dolgo-zhit/> (дата обращения: 27.06.2023).

¹⁸ «В поставке оборудования отказано»: власти рассказали, что происходит с мусоросжигательным заводом под Казанью // Казань Онлайн. 2023. 20 апреля. URL: <https://116.ru/text/gorod/2023/04/20/72237236/> (дата обращения: 27.06.2023).

Таблица

**Матрица типов российских регионов с точки зрения устойчивости
и интенсивности экологической протестной активности**

Показатели		Интенсивность экологической мобилизации	
		низкая	высокая
Устойчивость экологической мобилизации	Низкая	Регионы с неустойчивым и низким уровнем протестов (Белгородская обл., Липецкая обл., Респ. Алтай, ХМАО, Курганская обл. и др.) N = 15	Регионы с неустойчивым и высоким уровнем протестов (Архангельская обл., Коми, Приморский край, Удмуртия, Воронежская обл. и др.) N = 19
	Высокая	Регионы с устойчиво низким уровнем протестов (Амурская обл., Калужская обл., Респ. Саха, Тверская обл., Респ. Бурятия, Хакасия и др.) N = 22	Регионы с устойчиво высоким уровнем протестов (Москва, Санкт-Петербург, Иркутская обл., Московская обл., Новосибирская обл. и др.) N = 16

Регионы без видимых протестов: Респ. Ингушетия, Респ. Калмыкия, Магаданская обл., Смоленская обл., ЯНАО и др., N = 11

Источник: LARuPED, CPR, EPRR, расчеты авторов

производства соды. Активисты добились отзыва лицензии на разработку горы, шихан получил охранный статус¹⁹.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода (2007–2021 гг.) мы наблюдаем значительную вариацию в паттернах экологической активности: в некоторых регионах ее практически нет, в других она возникает спорадически и имеет низкую интенсивность, в третьих проходят массовые кампании, которые сменяются затишьем. Две отдельные группы состоят из регионов, в которых экологический активизм носит постоянный характер, но отличается степенью интенсивности.

На основе этого наблюдения мы создали типологию российских регионов по двум ключевым индикаторам – устойчивости и интенсивности экологической мобилизации. Интенсивность экологической мобилизации измерялась по трехчастной шкале: без протестов, от одного протестного события до границы третьего/четвертого квартилей (низкая интенсивность) и по числу протестов в четвертом квартиле (высокая активность). Устойчивость мы операционализируем как наличие в регионе экологических акций минимум в двух периодах наблюдений.

Итоговая типология (табл.) представляет собой матрицу, где выделены регионы с 1) устойчиво высоким уровнем экоактивности, 2) с низким и устойчивым уровнем экопротестов, 3) со спорадической интенсивной и 4) со спорадической слабой экологической мобилизацией. Отдельно выделяются регионы без заметных экопротестов, где акции по защите окружающей среды в 2007–2021 гг. не проходили.

В нашей типологии оказалось 35 регионов с высоким уровнем экоактивности, в 19 из них экологическая активность неустойчива, менее трети российских регионов оказались в центре экологического движения. 37 регионов вошли в группу слабоактивных: в 22 регионах – устойчиво низкий уровень активности, в 15 – только спорадический. Наконец, в 11 регионах экологической активности не обнаружено.

Выводы. Предыдущие исследования экодвижения в России выявили несколько основных этапов его развития. Зародившись в 1960-х гг. как добровольное объединение

¹⁹ Гора Куштау получила статус памятника природы // Ведомости. 2020. 2 сентября. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2020/09/02/838568-gora-kushtau-poluchila-status-pamyatnika-prirodi> (дата обращения: 27.06.2023).

отдельных активистов и встроенное в госаппарат, в позднесоветский период движение приобрело массовый характер, став к началу 1990-х гг. влиятельным независимым политическим актором. В процессе трансформации структуры политических возможностей, вызванной распадом СССР, движение постепенно стало терять свою силу, двигаясь к новым формам и каналам политического участия. В 2000-е гг. это привело к приоритетности локальных экопроблем. В результате с конца 2000-х гг. наблюдаются переход экозащитников к альтернативным способам защиты интересов, рост сетевизации и цифровизации низкой мобилизации.

Мы продемонстрировали, каким образом экологическая активность, определяемая как коллективные действия, направленные на защиту окружающей среды, распределена между российскими регионами на наиболее позднем этапе своего развития. Аналитически авторы опирались на теорию политического процесса, которая предсказывает волнообразный характер коллективных действий, что подтверждается эмпирическими данными. Действительно, на протяжении 2007–2021 гг. мы наблюдаем всплески, вызванные крупными региональными экологическими кампаниями. Только шесть регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская, Иркутская, Новосибирская и Свердловская области) демонстрируют последовательно высокий уровень экологической мобилизации.

Исследование показывает, что с конца 2000-х гг. жители регионов часто мобилизуются против крупных проектов, наносящих ущерб окружающей среде. Попытки государственных и корпоративных акторов реализовать эти проекты без учета мнения жителей встречали интенсивное сопротивление. Не везде это сопротивление привело к желаемым для активистов результатам, но, учитывая разницу в ресурсах противоборствующих сторон и тенденцию сужения политических возможностей, можно отметить, что отдельные успехи экологических кампаний демонстрируют сохраняющиеся возможности эффективных коллективных действий в сфере экологии.

Предложенная нами классификация регионов позволяет задать ряд вопросов для будущих исследований: что определяет степень интенсивности и устойчивости экологической мобилизации? какие факторы способствуют развитию экодвижения в одних регионах и исчезновению экодвигательности в других? Такая проблематизация представляется важной ввиду растущего масштаба экологической протестной активности в условиях все более сужающейся структуры политических возможностей в России.

Наше исследование, безусловно, имеет ряд ограничений. Во-первых, данные собраны из разных источников и имеют разнонаправленное смещение. Дальнейшая работа по гармонизации данных позволит провести более последовательный анализ с использованием количественных методов. Во-вторых, хронологические ограничения не позволяют напрямую сравнить период после 2007 г. с мобилизацией в 1990-е гг. и в начале 2000-х гг., что позволило бы выявить долгосрочные тенденции в экологическом активизме. Наконец, мы используем общее количество протестов в качестве основной метрики, схватывающей масштаб экологической мобилизации. Учет количества участников, размера населения региона и других важных характеристик мобилизации позволит в будущем создать более точную картину пространственной дифференциации экологического активизма в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гнатенко А.А. Ресурсы экологического лоббирования: сокращающиеся каналы влияния? (На примере НКО «Экозащита», Калининградская область) // Политическая наука. 2010. № 2. С. 203–217.
- Гольбрайх В.Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 74–85.
- Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: новые формы политического участия // Власть и элиты. 2016. Т. 3. С. 98–120.

- Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 382–407.
- Матвеева Е.В. Экологическое движение в России: этапы становления и развития // Вестник Пермского ун-та. 2010. № 3. С. 31–39.
- Тулаева С., Снарский Я. Зеленый национализм в сырьевом государстве: экологическая повестка и национальная идентичность в российских регионах // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2022. Т. 14. № 3. С. 4–33.
- Туровец М.В. Протест как рациональное действие // Политическая наука. 2014. № 4. С. 236–252.
- Фомичев С.Р. Зеленые: взгляд изнутри // Полис. Политические исследования. 1992. № 1. С. 238–245.
- Халий И.А. Экологическое общественное движение и власть: формы взаимодействия // Полис. Политические исследования. 2008. № 4. С. 130–139.
- Цепилова О.Д., Гольбрайх В.Б. Экологический активизм: мобилизация ресурсов «мусорных» протестов в России в 2018–2020 гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 4. С. 136–162.
- Шубин А. Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах // Экологические организации на территории бывшего СССР. Справочник / Под ред. Е.Н. Кофановой, Н.И. Кротова. М.: РАУ-Пресс, 1992.
- Яницкий О.Н. Акторы и ресурсы социально-экологической модернизации // Социологические исследования. 2007. № 8. С. 139–145.
- Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.
- Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures and Cultural Framings / Ed. by D. McAdam, J.D. McCarthy, M.N. Zald. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Demchuk A., Mišić M., Obydenkova A., Tosun J. Environmental conflict management: a comparative cross-cultural perspective of China and Russia // *Post-Communist Economies*. 2022. Т. 34. No. 7. С. 871–893.
- Evans A. Protests and civil society in Russia: The struggle for the Khimki Forest // *Communist and Post-Communist Studies*. 2012. Т. 45. № 3. С. 233–242.
- van der Heijden H. Political opportunity structure and the institutionalisation of the environmental movement // *Environmental Politics*. 1997. Vol. 6. No. 4. С. 25–50.
- Henry L. Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia. Cornell University Press, 2010. Iss. 1.
- Kitschelt H. Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 1. С. 57–85.
- Kuzmina Y. "The Defenders of Shiyes": traditionalism as a mobilisation resource in a Russian protest camp // *East European Politics*. 2022. Vol. 39. No. 2. С. 260–280.
- Lubell M. Environmental Activism as Collective Action // *Environment and Behavior*. 2002. Vol. 34. No. 4. С. 431–454.
- Marquart-Pyatt S.T. Explaining Environmental Activism Across Countries // *Society & Natural Resources*. 2012. Vol. 25. No. 7. С. 683–699.
- McAdam D., Boudet H. Putting Social Movements in their Place: Explaining Opposition to Energy Projects in the United States, 2000–2005. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- McCarthy J., Zald M. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. No. 6. С. 1212–1241.
- Mihaylov N., Perkins D. Local environmental grassroots activism: contributions from environmental psychology, sociology and politics // *Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 5. No. 1. С. 121–153.
- Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, With a New Preface and Appendix. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971.
- Sundstrom L.M., Henry L.A., Sperling V. The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia // *East European Politics and Societies*. 2022. Vol. 36. No. 4. С. 1377–1399.
- Tilly C., Tarrow S. Contentious Politics. Oxford, New York: Oxford University Press, 2015. 2nd ed, New to this Edition.
- Tysiachniouk M.S., Tulaeva S.A., Kotilainen J. and Henry L. Liberal spaces in an illiberal regime: environmental NGOs, state sovereignty and the struggle for nature // *Territory, Politics, Governance*. 2023. Vol. 0. No. 0. С. 1–20.
- Yanitsky O. The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia // *International Sociology*. 1999. Vol. 14. No. 2. С. 157–172.

TEMPORAL AND CROSS-REGIONAL VARIANCE IN ENVIRONMENTAL PROTEST ACTIVITY OF RUSSIANS (2007–2021)

SEMENOV A.V., SNARSKI Ya.A., TKACHEVA T. Yu.

HSE St. Petersburg, Russia

Andrei V. SEMENOV, *Cand. Sci. (Pol.)*, Senior Research Fellow (andre.semenoff@gmail.com); Yaroslav A. SNARSKI, *Research Assistant* (yaroslaw1861@gmail.com); Tatiana Yu. TKACHEVA, *PhD, Research Fellow* (tkacheva.tatyana@gmail.com). All – Laboratory for Comparative Social Research, HSE St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Acknowledgements: the study was supported by RSF grant No. 23-18-00661.

Abstract. The environmental movement in Russia has been a most institutionalized form of collective action. Originating from the Soviet period and gaining momentum in late 1980s, it survived the 1990s' dramatic transformations as well as the changes in political opportunity structure in the 2000–2010s. Extant scholarship on environmental activism in Russia has been largely focused on case-studies of regional mass-mobilization, such as environmental campaigns at Shiyes station in Archangelsk. The paper represents the first systematic study of cross-regional variance in environmental collective action in Russia. Drawing on three datasets, we trace the general evolution of environmental protests in the period from 2007 to 2021 and provide a typology of Russian regions. The latter allows us to classify Russian regions by intensity and sustainability of eco-mobilisation. We demonstrate that, despite narrowing opportunities, the intensity of environmental protests during the last decade has been on the rise. The typology allows us to describe the existing variance and suggest new questions on the nature and factors of environmental protest activity in Russian regions.

Keywords: environmental activity, environmental movement, environmental conflicts, contentious politics, Russian regions.

REFERENCES

- Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings.* (1996) Ed. by McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Cambridge: Cambridge University Press.
- Demchuk A.L. et al. (2022) Environmental conflict management: a comparative cross-cultural perspective of China and Russia. *Post-Communist Economies*. Vol. 34. No. 7: 871–893.
- Evans A.B. (2012) Protests and civil society in Russia: The struggle for the Khimki Forest. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 45. No. 3: 233–242.
- Fomichev S.R. (1992) The greens: a look from inside. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1: 238–245. (In Russ.)
- Gnatenko A.A. (2010) Resources of ecological lobbying: reducing channels of influence? (Evidence from the "Ecoprotection" NGO, Kaliningrad region). *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 2: 203–217. (In Russ.)
- Golbraikh V.B. (2016) Ecological activism: new forms of political participation. In: *Vlast i elity* [Power and elites]. Vol. 3: 98–120. (In Russ.)
- Golbraikh V.B. (2019) Ecoconflicts in Russia and Digital Networks Participation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 74–85. (In Russ.)
- van der Heijden H. (1997) Political opportunity structure and the institutionalisation of the environmental movement. *Environmental Politics*. Vol. 6. No. 4: 25–50.
- Henry L.A. (2010) *Red to Green: Environmental Activism in Post-Soviet Russia*. Cornell University Press.
- Kaminskaya T.L., Pomiguyev I.A., Nazarova N.A. (2019) Digital environmental activism as an instrument of influence on government decisions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 382–407. (In Russ.)
- Khalil I.A. (2007) Environmental social movement and power: forms of interactions. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 130–139. (In Russ.)
- Kitschelt H.P. (1986) Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies. *British Journal of Political Science*. Vol. 16. No. 1: 57–85.
- Kuzmina Y. (2022) "The Defenders of Shiyes": traditionalism as a mobilisation resource in a Russian protest camp. *East European Politics*. Vol. 39. No. 2: 260–280.
- Lubell M. (2002) Environmental Activism as Collective Action. *Environment and Behavior*. Vol. 34. No. 4: 431–454.

- Marquart-Pyatt S.T. (2012) Explaining Environmental Activism Across Countries. *Society & Natural Resources*. Vol. 25. No. 7: 683–699.
- Matveeva E.V. (2010) Ecological movement in Russia: stages of formation and development. *Vestnik Perm-skogo un-ta* [Bulletin of Perm University]. No. 3: 31–39. (In Russ.)
- McAdam D., Boudet H. (2012) *Putting Social Movements in their Place: Explaining Opposition to Energy Projects in the United States, 2000–2005*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J.D., Zald M.N. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. Vol. 82. No. 6: 1212–1241.
- Mihaylov N.L., Perkins D.D. (2015) Local environmental grassroots activism: contributions from environmental psychology, sociology and politics. *Behavioral Sciences*. Vol. 5. No. 1: 121–153.
- Olson M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups, With a New Preface and Appendix*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shubin A. (1992) Ecological movement in the USSR and the seceding countries. In: *Ecological organizations of the ex-USSR territory*. A handbook. Ed. by E.N. Kofanova, N.I. Krotov. Moscow: RAU-Press. (In Russ.)
- Sundstrom L.M., Henry L.A., Sperling V. (2022) The Evolution of Civic Activism in Contemporary Russia. *East European Politics and Societies*. Vol. 36. No. 4: 1377–1399.
- Tilly C., Tarrow S. (2015) *Contentious Politics*. Oxford, New York: Oxford University Press. 2nd ed.
- Tsepilova O., Golbraih V. (2020) Environmental activism: mobilizing resources from “garbage” protests in Russia in 2018–2020. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 23, No. 4: 136–162. (In Russ.)
- Tulaeva S., Snarski Y. (2022) Green nationalism in a resource-based state: environmental agenda and national identity in Russian regions. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 14. No. 3: 4–33. (In Russ.)
- Turovets M.V. (2014) Protest as a rational action. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 4: 236–252. (In Russ.)
- Tysiachniouk M.S. et al. (2023) Liberal spaces in an illiberal regime: environmental NGOs, state sovereignty and the struggle for nature. *Territory, Politics, Governance*. Vol. 0. No. 0: 1–20.
- Yanitsky O. (1999) The Environmental Movement in a Hostile Context: The Case of Russia. *International Sociology*. Vol. 14. No. 2: 157–172.
- Yanitsky O.N. (2007) Actors and resources of socio-ecological modernization. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 139–145. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2012) Mass mobilization: problems of theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. No. 6: 3–12. (In Russ.)

Received: 21.09.23. Final version: 05.01.24. Accepted: 16.01.24.